

СТАРАЯ ПРОФЕССИЯ

Друзья и влюбленные женщины зовут его Микеле. Ему восемьдесят три, он был женат иди вроде бы женат четыре раза на четырех блондинках или вроде бы блондинках, — очень интеллигентных и с характером (Это — Летиция Балбони, Моника Витти, Клер Пепло, Эрика Фико). Детей нет.

Начиная с 1950 года, когда вышел его первый фильм «Хроника одной любви» и до 1982 года, когда была закончена лента «Идентификация женщины», он создал четырнадцать полнометражных картин и две короткометражные — их смотрели, ими восхищались, их изучали, им давали премии в странах всего мира. Фильмы Антониони особенно любят в Японии и Франции. И вот сейчас этот знаменитый режис-

В Америке, можно сказать, стало уже традицией во время весеннего кинопраздника — присуждения Оскаров — отмечать заслуги итальянцев. Прошлый раз статуэтку Оскара за вклад в мировое киноискусство вручили актрисе Софи Лорен, в этом году американские академики решили отметить такой же наградой режиссера Микеланджело Антониони. Итальянцы этому рады, и мы тоже. Перепечатаваем опубликованные в римском еженедельнике «Экспрессо» материалы о жизни и творчестве этого удивительного человека, который, несмотря на свои 83 года и перенесенный недавно инсульт, снова на съемочной площадке. Вместе с Вимом Вендерсом он снимает фильм «По ту сторону облаков».

дом и Азией и Африкой). И который не занимался ностальгическими исследованиями, окрашенными в нежно-закатные тона, застрявшими в островках памяти периода детства и отрочества. Он абсолютно не провинциален, хотя кажется, что все — и его характер, и то, что и как его вдохновляет — определено тем местом, откуда он пришел, — его родной Феррарой.

Например, его внимание к персонажам, принадлежащим буржуазным кругам. Его мать была простой работницей, отец

не в Палио. Следующее фото — Микеланджело рисует, на другом — играет на скрипке. Он играл даже на публике, считался очень одаренным ребенком, первый концерт состоялся, когда мальчику было девять лет. И еще одно фото: вместе с Бассани в кругу молодых писателей.

«Мое желание рассказывать о жизни буржуазии, — сказал он как-то, — вовсе не означает, что во времена неореализма я намеренно сделал столь полемичный выбор. Это означает,

превратилась в блистательную красавицу». Все актрисы, с которыми он работал, неизменно становились утонченными символами женской красоты своего времени.

Еще будучи в Ферраре, Антониони начал писать — и пишет все жизнь. Его первая статья была напечатана в «Коррьере Падано» в 1936 году. Главный редактор этой газеты представил его Витторио Чини, президенту Всемирной выставки, открытие которой намечалось на 1942 год. Чини предложил молодому человеку место секретаря. «Я принял это предложение, — вспоминает Антониони, — но своего патрона практически никогда не видел. Нам, его подчиненным, просто нечего было делать, но заниматься чем-то помимо «работы» в служебном помещении нам не позволяли, — нельзя было даже газету почитать. Это было ужасно, я уволился, и Джинно Визентини помог мне проникнуть в редакцию журнала «Чинема», которую из-

Мир Микеланджело

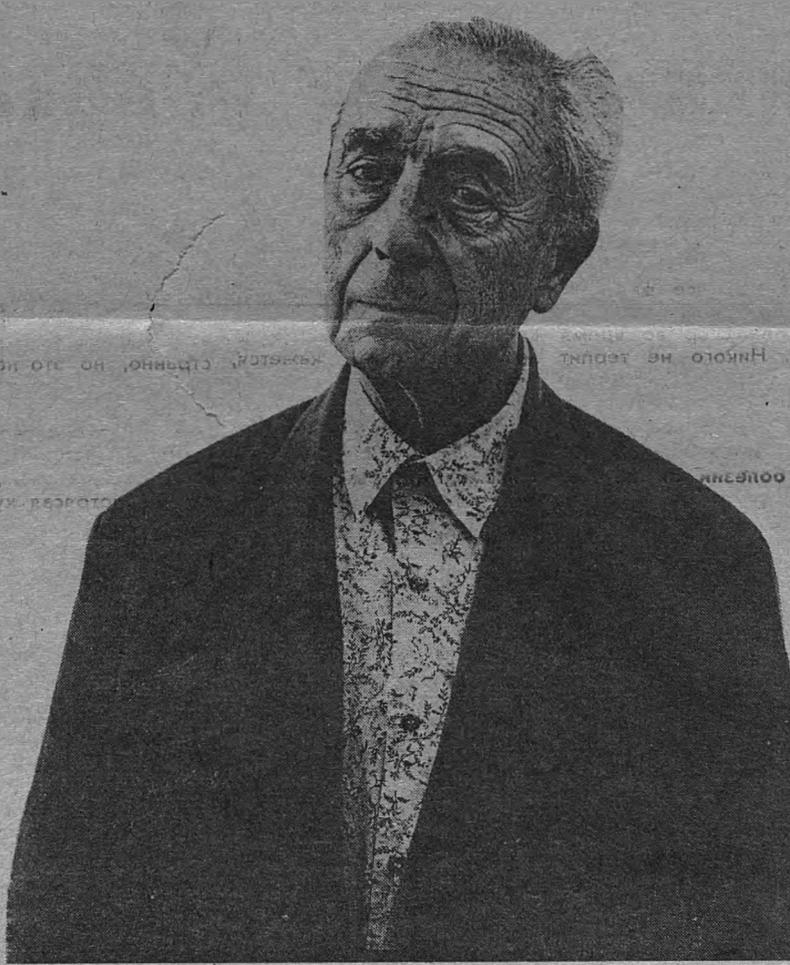
сер снимает новый фильм, съемки проходят в Италии и Франции, он работает «в паре» с Вимом Вендерсом — и по инициативе этого своего немецкого друга. Лента называется «По ту сторону облаков» и в основе ее — рассказ, написанный Микеланджело Антониони.

Он — первый из итальянских режиссеров рассказал об итальянской буржуазии, рассказал в рамках того популистского кино, которое появилось на Апеннингах после второй мировой войны и которое находило своих героев среди рыбаков, крестьян, подпольных эмигрантов, в сырости рисовых полей. Он — один из тех немногих итальянских режиссеров, что находится в перманентном поиске нового языка и способен создавать на экране особые женские образы.

Это мужественный и очень симпатичный человек, этот художник всегда верен себе — и когда он выступает в роли театрального режиссера, и когда рисует. В Лос-Анджелесе, когда ему вручат Оскара за всю его творческую жизнь, он может быть, и поплачет немного; не потому, что сентиментален, а потому, что, начиная с 1985 года, когда его поразил инсульт и он частично был лишен дара речи, слезы стали для него средством выражения чувств.

Микеланджело Антониони — это ни с чем не сравнимый «киноглаз»: ему свойственны стилистическая точность, утонченность, оригинальный язык, строгость, его кадр — это совершенный по своей законченности мир, он предельно выразителен в умении расположить фигуры в пространстве. Это удивительный мастер кино, он не придерживается правил и требований очевидности, он больше скептический наследник культуры просветительства, чем реалист, он мастер триллера, используемого им для того, чтобы произвести расследование в мире чувств, он аналитик и пророк, исследующий зыбкую современность, утраченную идентификацию, неузнаваемость окружающего мира.

Он — один из немногих итальянских кинематографистов, что ставили свои фильмы вне Италии (работал во Франции, в США, Китае, Испании, Алжире); отразил в творчестве философские течения и социальные явления современности (экзистенциализм, феноменологию, неврозы, молодежные революции, тягу к ирреальности, противостояния с господствующими системами, побег в себя — от всего мира и от самого себя тоже, отношения между Запа-

служил посыльным на фабрике, однако в семье говорили, будто они в родстве не более и не менее, как со шведской королевской фамилией, и стремились, чтобы в доме было все, как у настоящих буржуа, а потому будущий режиссер с детских лет вращался среди отпрысков феррарской аристократии, посещал теннисный Клуб Марфиза, значительно преуспел в этом виде спорта, стал даже местным чемпионом и постоянным соперником известного теперь писателя Джорджо Бассани, а все вместе определило и круг его юношеских знакомств — богатая молодежь Феррары, отпрыски местной аристократии и знатных буржуа.

На фотографиях, относящихся к его юности, можно увидеть Микеланджело в Куртина д'Ампеццо — он катается на лыжах, в Риччоне, который был тогда центром аристократическо-культурной элиты — юноша стоит среди элегантных синьор, затаенных в белые, расшитые жемчугами, шелка. А вот ему семнадцать, он выступает на сцене, у него накладные усы и на голове — цилиндр; дальше — на «костюмном» праздни-

что я питал истинный интерес к жизни той социальной группы, которую знал лучше других; кроме того, буржуазия была для меня неким «культурным наваждением», я постоянно спрашивал себя, почему итальянская буржуазия столь неэффективна, и принесет ли будущее перемены».

Феррара воспитала в нем и пристрастие к элегантности. К элегантности личной (Антониони всегда прекрасно одевался, рубашки ему шили на заказ в Генуе, цвет их, как и расцветка обуви, были безупречны). Следует прибавить элегантную манеру воспроизводить действительность, которой всегда отличались все его фильмы. Хорошенькая итальяночка «из народа» в картине Де Сантиса «Нет мира под оливами», которую сыграла Лючия Базе (в то время она была избрана «Мисс Италией» и только начинала сниматься в кино), превратилась в ультраутонченную героиню «Хроники одной любви». Вспоминает Антониони: «Когда вместе с Фаусто Сарли мы начали примерять на нее платья из роскошных домов моделей и настоящие драгоценности, она

давал Витторио Муссолини, сын Дуче».

Работая в «Чинеме», он познакомился со многими будущими знаменитостями мира кино. Лукино Висконти, с ним потом будет работать в качестве сценариста, он впервые увидел в 1942 году на улице Венето: «Он был очень худой и носил в то время траур — черный костюм, черные очки. Меня поразила его манера смотреть на прохожих — так, как будто все они были его личной собственностью».

А вот обожаемая Феррара не очень-то его жаловала. «На мой взгляд, можно сказать, что родной город его отверг, — вспоминает его друг Ланфранко Каретти, — и этот конфликт, этот вызов был, может быть, первым серьезным испытанием для Антониони».

Всю свою жизнь он проявляет спокойное мужество и упорство перед лицом тех опасностей и препятствий, которые ему приходится преодолевать. Постоянно решает сложнейшие проблемы, стремясь добыть деньги для своих фильмов, считающихся «немассовыми». Упорно боролся с частыми афронтами цензуры. Наиболее серьезным цензурным репрессиям подверглась его картина «Побежденные». Финансировала этот фильм одна католическая организация, президентом ее был Марио Меллони — впоследствии он тесно сотрудничал с газетой «Унита».

С мужеством и иронией он реагировал на все скандалы, высмеивая судебные процессы, когда его обвиняли в оскорблении общественной морали — так было в 1959 году, когда вышел на экраны фильм «Приключения», и ему поставили в вину «семь метров поцелуйчиков в шею»; на грубые выпады и намеки, которые допускало радио — а потом и на телевизионные «шуточки», где его высмеивали, как «пророка некоммуникабельности», издевались над «слишком длинным» проходом Жанны Моро в картине «Ночь», над тем, как он решил выкрасить одной краской весь пейзаж, когда снимал «Красную пустыню».

С элегантной легкостью и мужеством он умел отвергать компромиссы, оставаясь верным своей художнической морали, умеет «проживать» довольно длительные периоды — три, иногда пять лет, — пока ни найдутся деньги и он будет снова в состоянии снимать; эти «белые паузы» — настоящее проклятие для режиссера. Он пережил и другое проклятие — болезнь.

Льетта ТОРНАБУОНИ.